

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ «ГЛОБАЛЬНОГО ГОРОДА»

Бойцова Ольга Юрьевна, доктор политических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, E-mail: olga.boitsova@gmail.com

Статья посвящена политико-философской концептуализации урбанистической проблематики, а именно, рассмотрению «глобального города» как элемента современного политического пространства. Показано, что для характеристики поселений данного типа определяющее значение имеют не столько количественные, сколько качественные параметры, прежде всего – способность на национальном и глобальном уровнях аккумулировать ресурсы, контролировать материальные, технологические, человеческие и символические потоки и служить стратегическим пространством для реализации инновационного потенциала. В статье анализируется специфика «глобального города» как политической общности, проводится его сравнение с классическим «полисом», определяются его ключевые политические функции, а также особенности взаимодействия с государством. Показаны основы осмысления «глобального города» в политических теориях, в частности, выделены базовые принципы, позволяющие фиксировать его двойственность как элемента одновременно локальной и сетевой структур. В статье указывается ряд теоретических и практических проблем, возникающих при функционировании «глобального города» как автономного политического актора. Указывается на противоречивость его позиции в качестве объекта государственного управления и субъекта международных отношений, сложность политической идентификации при одновременной локации в национальном и глобальном политическом пространстве, риски курса на максимальную концентрацию политических ресурсов и угрозы, связанные со спецификой (транзитным типом) населения.

Ключевые слова: политика, политическая мысль, политический актор, политическое пространство, политический центр, урбанизация, управление, мегаполис, глобализация

ON THE POLITICAL DIMENSION OF THE “GLOBAL CITY”

Boitsova Olga Yu., D.Sc. (Policy), Professor, M. V. Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation, E-mail: olga.boitsova@gmail.com

The article is devoted to the political-philosophical conceptualization of urban issues, namely, the consideration of “global cities” as an element of modern political space. It is shown that characteristics of the settlements of this type were crucial not only quantitative but qualitative parameters, primarily the ability to accumulate resources, control material, technological, human and symbolic flows and provide a strategic space for the realization of innovative potential at national and global level. The article specifies the “global city” as a political community, compares it with the classic “polis”, defines its key political functions, as well as interaction with state government. The article shows the theoretical framework of political understanding the megapolis, identified the basic principles that provides an opportunity to capture the duality of the “global city”, which is at the same time constituent element of local and network structures. The article identifies a number of theoretical and practical problems arising in the functioning of the “global city” as an independent political actor: the contradictory nature of its position as the object of local governance and the subject of international relations, the complexity of political identification in simultaneous locations in national and global politics, the risks of policy of concentration of political resources and the political threats caused by specific type of population.

Keywords: politics, political thought, political actor, political space, political center, urbanization, governance, megapolis, globalization

Современная урбанистика как научная дисциплина отличается многоплановостью и разнородностью. Процессы количественной и качественной трансформации общества, обусловленные ростом городов, их последствия для отдельного человека, для природы и культуры в целом, специфика организации пространства, характера и функций современных поселений городского типа, – эти и многие другие вопросы, входящие в проблемное поле данной дисциплины, разрабатываются в рамках различных наук, которые зачастую не замечают или не акцентируют точки соприкосновения и сферы пересечения. В результате многие базовые понятия урбанистики оказываются не достаточно концептуализированы – их содержание может считаться признанным только в рамках научного сообщества отдельных исследовательских направлений. К примеру, для обозначения базового процесса, задающего пределы предмета, используется несколько понятий, которые находятся друг с другом в сложных отношениях – «городской взрыв», «урбанизация», «субурбанизация», «рурбанизация», «глокализация» и др. При этом «субурбанизация» связывается с перенесением городских форм организации жизни населения на прилегающие к городам зоны, а «рурбанизация» – на исконно сельскую местность. В том же случае, когда пригородом является сельская местность, становятся применимы оба понятия, и их значения оказывается сложно развести. «Глокализация» как процесс выхода локальных территориальных образований на уровень международных отношений, не всегда сопряжена именно с процессами развития городов, зачастую его продуктивнее рассматривать в рамках глобализационной, а не исключительно урбанистической проблематики.

Нет однозначной трактовки и самого понятия «город» – в разных науках выделяются различные критерии, позволяющие маркировать то или иное поселение в качестве городского. По-разному называются и крупнейшие территориальные административные единицы – «мировой город», «город-государство», «агломерация», «мегаполис», «мегалополис», «метрополия», «центральное место» и даже «кластер». Приведенные понятия часто они используются как синонимы, при том что они различаются смысловыми нюансами, на чем настаивают разрабатывающие их исследователи. Так, наиболее употребительным является

термин «мегаполис» в значении «большой город, являющийся важным экономическим и политическим центром». Однако критерии «большого» (как, впрочем, и «важного») разнятся. Акцент ставится не столько на размер территории, сколько на численность населения, хотя и по этому показателю единства у исследователей нет – в качестве порогового критерия в литературе можно встретить цифру и в 1 млн, и в 10 млн жителей [9, с. 49]. Неоднозначность количественных критериев приводит к попыткам использовать при концептуализации иные параметры – к примеру, уровень взаимосвязанности элементов и, соответственно, степени внутреннего единства. Если следовать этому критерию, то нужно противопоставлять «агломерацию» и «метрополию» как децентрализованные множества разнородных населенных пунктов, с одной стороны, и «мегаполисы» и «города-государства», объединенные общей системой управления, с другой [1, с. 91].

Что же касается характеристики «важный», то она, как правило, определяется ролью города в мировой экономике и политике. Крупный населенный пункт не всегда является центром мирового уровня [3], и поэтому те из них, что имеют не только национальное, но и международное значение, Ф. Бродель и Дж. Фридманн предлагали называть «мировым городом», а С. Сассен, подчеркивая современную специфику, – «глобальным городом» [2, с. 9]. Эту специфику Сассен усматривала в том, что подобный мегаполис не просто велик по размерам и имеет мировое значение, но и активно вовлечен в процессы глобализации: он является ключевым центром, способным на национальном и мировом уровне аккумулировать ресурсы, контролировать материальные, технологические, человеческие и символические потоки и служить стратегическим пространством для реализации инновационного потенциала.

В политической мысли урбанистическая проблематика, как правило, разрабатывается в сфере анализа мировой политики и международных отношений. Однако значение феномена «глобального города» выходит за пределы данного направления – он представляет собой важный предмет исследования не только для этой, но и для других областей политического познания. Ведь «глобальный город» представляет собой сложное полифункциональное образование и является средоточием внутрисубсидарственной и международной активности в различных сферах политики. Он является местом концентрации политических ресурсов, пространством политического взаимодействия групп с различными интересами, точкой дислокации институтов и организаций, принимающих значимые политические решения. В связи с этим встают многие вопросы: о специфике «глобального города» как политической общности нового типа, о его функциях, о его соотношении с историческими формами и современными элементами структурирования политического пространства.

В политическом пространстве «глобальный город» выполняет двойную функцию: в локальном измерении он является центром территории, выстраивая иерархию взаимосвязей, а в сетевом служит узлом в переплетении горизонтальных взаимодействий. При политико-философской концептуализации урбанистической проблематики значимы два принципа, фиксирующих данную двойственность.

Принцип неоднородности и анизотропности политического пространства ставит акцент на дифференциации и вертикали власти. На нем основаны такие важные для урбанистики концепции, как концепция «центра – периферии» (Дж. Фридманн, И. Валлерстайн), теория центральных мест (В. Кристаллер, А. Лёш), теории диффузии инноваций (Т. Хегерstrand), теория глобальных городов (С. Сассен) и проч. Согласно данному принципу, политическое пространство имеет различную плотность. Политическую топографию определяют города как центры кристаллизации, «оттягивающие» на себя ресурсы других территорий. Концентрация политических ресурсов в городе и «разреженность» политического пространства на периферии задают иерархическую структуру власти и главные векторы политического влияния. Так, в теории глобальных городов Сассен [2, с. 9–27; 13; 14], сосредоточение в центре максимального объема ресурсов, которые он оттягивает из регионов, является необходимой предпосылкой инновационного взрыва. В центре рождаются все инновации, которые затем проникают на периферию. Примерно так же видит схему развития и Торстен Хегерstrand, автор теории пространственной диффузии инноваций, оказавшей серьезное влияние на политическую регионалистику [12]. Согласно его теории, именно города выступают узлами в сети продвижения инноваций в качестве «локальных оптимумов», и именно трансляционные возможности определяют позицию города в иерархии социально-политических центров.

Второй принцип, напротив, утверждает единство политического пространства и подчеркивает фактор целостности – акцент ставится на неразрывность взаимосвязей отдельных докусов. Он, к примеру, лежит в основе трактовки урбанизации в рамках теорий кумулятивного роста (Г. Мюрдаль, А. Вебер, Х. Ричардсон), а также в концепциях информационного общества (Д. Белл, О. Тоффлер). В данном случае наиболее значимым фактором признается взаимозависимость регионов, обуславливающая корреляцию изменений во всех точках политической общности. По этой логике, города, с одной стороны, являются «локомотивами», стимулирующими развитие регионов, а с другой – «реципиентами», воспринимающими сигналы с периферии как основание для оптимизации форм и механизмов политической деятельности [11, 15].

Одним из наиболее дискуссионных вопросов остается корректность определения «глобального города» как «нового полиса». В пользу положительного решения говорит очевидное сходство с классическим образом: как и античный полис, он включает в себя город и прилегающие зависимые территории, обладает самодостаточным комплексом политико-социальных институтов и автономией в управлении, которые позволяют рассматривать его как «государство», производит политические смыслы и конструирует политическую идентичность, а также выступает субъектом широкой сети отношений – экономических, политических, культурных – с внешними акторами.

В то же время, нельзя игнорировать аргументы против подобной аналогии. Прежде всего, «глобальный город» не удовлетворяет принципиально важному критерию – он не является политической общностью, как она понималась в античном полисе. Такой город, исторически «возникая благодаря расширению границ полиса, во многих отношениях перестает быть полисом по сути. То есть он перестает быть пространством «общего дела», отсюда и неминуемый кризис политики [10, с. 207–208].

Кроме того, не вполне корректно говорить о политическом единстве «глобального города», скорее, речь следует вести о плюральности микрообщностей. Связи, объединяющие жителей мегаполиса в сообщества неустойчивы, ситуативны и динамичны. Численность этих объединений постоянно варьируется, а сознание единства у их членов никак не связано с непосредственным общением – оно конструируется благодаря медиасреде, интегрирующей мозаичные сегменты в общую картину. Многоуровневая дифференцированность социальных групп, микширование властных иерархий, нестабильность форм политических объединений также свидетельствуют против аттестации «глобального города» как «полиса третьего тысячелетия».

Отсутствие прямой аналогии с полисом, однако, не исключает возможности рассмотрения «глобального города» как политической общности, несущей принципиально важную функциональную нагрузку, связанную с аккумуляцией властного ресурса. Он выступает как центр власти, размещающий на своей территории значительное число субъектов администрирования, которые управляют политическими процессами на локальном, общенациональном и международном уровнях. Здесь происходит наиболее активное рекрутирование политической элиты и распределение властных полномочий между различными структурами, создание и отработка форм политической организации социальных процессов, управление политической информацией и апробация способов сочетания стабильности и динамичности политической среды. Можно также упомянуть такие функции, очевидно несущие политическую нагрузку, как институциональная (здесь создаются нормативные модели функционирования политической сферы), интегрально-дистрибутивная (сосредоточенные в мегаполисе институты распределяют доступ к важнейшим ресурсам в национальном и международном масштабе), пространственно-организационная (конструирование моделей пространственного взаимодействия субъектов политической деятельности) и др. На территории «глобального города» происходит политическое взаимодействие множества социальных групп: для его политического пространства характерны плюрализм, обусловленный полиэтничностью и социально-культурным разнообразием ценностей и интересов, с одной стороны, и фундаментальный консенсус, без которого невозможна целостность и стабильность, с другой. Это обуславливает создание и поддержание структурных и ценностных рамок консолидации, наличие которых и позволяет говорить о «глобальном городе» как о политической общности.

В то же время, рассмотрение «глобального города» в качестве политической общности ставит ряд серьезных теоретических и практических проблем. Один из фундаментальных вопросов – определение его места среди других политических акторов, и прежде всего, оснований его взаимодействия с государством.

За последние пятьдесят лет положение мегаполисов серьезно изменилось – они все более выполняют функцию политического актора наряду с государством. Нельзя не упомянуть, что и в историческом прошлом существовали города, игравшие важную роль в мировой экономике и политике. Новизна актуальной ситуации определяется тем, что глобализационные процессы привели к изменению самой структуры мировой системы – в ней появились транснациональные и субнациональные единицы, что ведет к изменению традиционных форм политических отношений. Ведущая тенденция характеризуется «быстрым ростом влияния субнациональных единиц и их выходом в международную политику в качестве самостоятельных акторов. Строгая иерархия уровней уступает место гибкой системе коммуникации, в рамках которой государство и его внутренние структурные образования... могут меняться местами по отношению к глобальному уровню организации властных отношений» [6, с. 87].

В целом в мировой политике значительно усилились надгосударственные механизмы политического регулирования. Это заставляет исследователей говорить об угрозе демонтажа вестфальской системы, о размывании принципа государственного суверенитета и формировании альтернативной политической структуры мира с над- и субгосударственными центрами [5].

Активно идет формирование надгосударственной сети городов, которые в широком спектре областей – как в экономике, технологии, культуре, информации, так и в политике – способны и готовы действовать независимо от государств, в которых они находятся: «Крупнейшие города мира на сегодняшний день концентрируют огромные капиталы, трудовые и производственные ресурсы, становятся узлами сетевого информационного пространства. Все это дает возможность фиксировать появление глобальных городов, значение которых для мирового развития практически сравнимо со значением национальных государств» [9, с. 55]. Тем самым в новой политической структуре мира «глобальный город» в качестве единицы политики вступает в конкуренцию с государством.

При том что в системе международных отношений крупнейшие населенные центры все чаще выступают в качестве субъекта автономного политического действия, они по-прежнему остаются в рамках национального государства. Такое положение «глобального города» обуславливает серьезные противоречия. Так, для встраивания в глобальное пространство необходима проницаемость для внешних агентов и обеспечение возможности реализации их основных интересов – в противном случае данный город не сможет поддерживать статус «глобального» и занимать авторитетное положение в мировой системе.

В силу вовлеченности в мировые процессы мегаполис подвергается глобализационной унификации – в том числе и в сфере форм политической активности. «Новая транснациональная география городов, – пишет, к примеру, Сассен, – подает сигнал о возникновении новой параллельной политической географии. Крупные города образовались как стратегические центры ... и в формировании межнациональных общностей и идентичностей... В этом аспекте города рассматриваются как места развертывания нового типа политической деятельности ... В конечном счете, это могло бы стать началом появления новых форм «гражданства»...» [2, с. 27]. В данной ситуации, с учетом активного внешнего влияния и формирующего воздействия глобализационных императивов – встает вопрос о путях сохранения национальной политической идентичности. Радикальная трансформация, связанная с утратой аутентичной политической культуры, способна вывести город из политического пространства государства и спровоцировать обострение внутривластных конфликтов.

При таком сценарии велика вероятность обострения противоречий между «глобальными городами» и государством как автономными акторами. Уже десять лет назад М. М. Лебедева отмечала: «Пока политические последствия деятельности мегаполиса не особенно значимы, но подобная активность при наличии осознанных политических интересов может оказаться весьма важной. Проблема осложнится, если интересы разных мегаполисов одного государства начнут существенно противоречить друг другу, или если эти противоречия затронут и других акторов мировой политики» [5, с. 198].

Во внутренних отношениях сложности возникают при рассмотрении «глобального города» как объекта государственной политики. «В ряде случаев, – пишет Н. В. Панкевич, характеризуя глокализационную тенденцию мегаполисов, – они вполне обоснованно начинают представлять всю политику, сосуществовать и функционировать относительно автономно по отношению к включающей его политической системе регионального или национального уровня...», в результате «крупнейшие города получают беспрецедентный стимул для формирования собственных, не зависящих от государства стратегий действия» [6, с. 90, 91]. К примеру, практическая невозможность одновременной реализации государственных и городских интересов – обязательно доминирование одного из них – чревата возникновением напряженности и требует постоянного поиска компромисса между наиболее влиятельными агентами политических отношений [4, с. 196-197].

Еще одной проблемной точкой является функционирование «глобального города» в государственном политическом пространстве: максимальная концентрация в нем политических ресурсов чревата «обезвоживанием» остальных регионов и сокращению числа не только реальных, но и потенциальных «полосов роста». Как отмечают исследователи, когда «при доминирующей роли узловых функций города и при сохранении ориентации на концентрацию и конкуренцию происходит стягивание всех потоков в наиболее сильные фокусы экономического пространства», результатом может быть «медленный внутренний распад единого пространства страны» и рост неустойчивости в развитии города, который «начинает нерегулируемый рост, подавляя ... другие, менее развитые системы (малые города), захватывая их внутри себя» [4, с. 184; 8, с. 187].

Проблема неустойчивости в функционировании «глобального города» имеет четко выраженные политические экспликации. Причины ее коренятся в самой структуре мегаполиса, которая характеризуется высшей степенью аморфности: «Функциональные и социальные иерархии мегаполисов пространственно размыты и перемешаны... Мегаполисы – это полные разрывы констелляции пространственных фрагментов, функциональных кусков и социальных сегментов». [3, с. 379]. Это обстоятельство существенно снижает возможности выбора и реализации стратегий в управлении мегаполисом.

Важнейшим источником нестабильности и неустойчивости служит принципиальное противоречие между требованием устойчивости, необходимой для эффективного администрирования, и постоянной дестабилизацией ситуации в следствие инновационной активности. Кроме того, динамичность в политическом управлении «глобальным городом» обусловлена транзитным характером населения. Как известно, аккумуляция и распределение человеческих потоков – важнейшая функция «глобального города». Превалирование мигрантов над коренным населением повышают неустойчивость политических структур, снижают управляемость и требуют постоянной корректировки инструментов политического регулирования.

«Глобальный город» одновременно является элементом множества сетей и систем разного уровня, на которых действуют разнонаправленные стратегии. Процессы вовлечения его в политику, которые традиционно протекали стихийно, в настоящее время становятся предметом анализа и целенаправленного воздействия со стороны как государства, так и надгосударственных политических акторов. В этой ситуации координация усилий исследователей, представляющих различные научные направления, представляется единственно оправданной стратегией.

Список литературы

1. Вульфвич Р. М. Агломерация, мегалополис и мегаполис (соотношение понятий) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2007. № 2. С. 91–92.
2. Глобальный город: территория и реальность. М.: Аванглион, 2007. 243 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Конева А. В. Проблемы управления мегаполисами: новая парадигма развития // ГЕО-СИБИРЬ-2009. Новосибирск: СГГА, 2009. Т. 6. С. 179–185.
5. Лебедева М. М., Сергеев В. М. Мегаполис как актор мировой политики // Космополис. Зима 2004/2005. № 4 (10). С. 193–200.
6. Панкевич Н. В. Мегаполисы в поисках суверенитета. Рост политической локальности как парадокс глобализации // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 85–98.
7. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 519 с.
8. Туркина В. Г. Город в постнеклассической парадигме // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 4. С. 179–187.
9. Федякин И. В. Мегаполисы как субъекты политики: история и современность // Обозреватель-Observer. 2013. № 8. С. 48–56.
10. Чумаков Д. С. Мегаполис как социальный и политический феномен // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 2 (32). С. 206–213.
11. Bronger D. Metropolen, Megastadte, Global Cities. Die Verstädterung der Erde. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. 216 s.
12. Hägerstrand T. Time-Geography: Focus on the corporeality of man, society, and environment. The science and praxis of complexity. New York: The United Nations University, 1985. 395p.

13. Sassen S. *The Global City*; New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 2001. 412 p.
14. Sassen S. *Losing control? Sovereignty in An Age of Globalization*. New York: Columbia University Press, 1996. 148 p.
15. Soja E. W. *Postmetropolis. Critical Studies of of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2000. 440 p.

References

1. Vulfovich R. M. Agglomeratsiya, megalopolis i megalopolis (sootnoshenie ponyatiy). *Evroziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 2007, no. 2, pp. 91–92.
2. Globalnyy gorod: territoriya i realnost. Moscow, Avanglion Publ., 2007, 243 p.
3. Kastels M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura*. Moscow, Higher School of Economics - National Research University Publ., 2000, 608 p.
4. Koneva A. V. Problemy upravleniya megalopolisami: novaya paradigma razvitiya. *GEO-SIBIR-2009*. Novosibirsk, Siberian State Academy of Geodesy Publ., 2009, vol. 6, pp. 179–185.
5. Lebedeva M. M., Sergeev V. M. Megapolis kak aktor mirovoy politik. *Kosmopolis*, Vinter, 2004/2005. no. 4 (10), pp. 193–200.
6. Pankevich N. V. Megapolisy v poiskakh suvereniteta. Rost politicheskoy lokalnosti kak paradoks globalizatsii. *Svobodnaya mysl*, 2009, no. 11, pp. 85–98.
7. Trubina E. G. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 519 p.
8. Turkina V. G. Gorod v postneklassicheskoy paradigme. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 2008, no. 4, pp. 179–187.
9. Fedyakin I. V. Megapolisy kak subekty politiki: istoriya i sovremennost. *Obozrevatel-Observed*, 2013, no. 8, pp. 48–56.
10. Chumakov D. S. Megapolis kak sotsialnyy i politicheskii fenomen. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2014, no. 2 (32), pp. 206–213.
11. Bronger D. *Metropolen, Megastadte, Global Tsitis. Di Fershtadterung der Erde*. Darmshtadt: Vissenshaftlike Bukhgezellshaft Publ., 2004, 216 p.
12. Hägerstrand T. *Time-Geography: Focus on the corporeality of man, society, and environment. The science and praxis of complexity*. New York, The United Nations University Publ., 1985, 395 p.
13. Sassen S. *The Global City; New York, London, Tokyo*. Princeton, Princeton University Press, 2001, 412 p.
14. Sassen S. *Losing control? Sovereignty in An Age of Globalization*. New York, Columbia University Press, 1996, 148 p.
15. Soja E. W. *Postmetropolis. Critical Studies of of Cities and Regions*. Oxford, Blackwell Publishers Ltd., 2000, 440 p.

СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННЫЙ БИЗНЕС КАК ИНСТРУМЕНТ ВСТРАИВАНИЯ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Молокова Маргарита Александровна, доктор политических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, E-mail: peggy2007@yandex.ru

В статье показано, что в условиях, когда социум находится в трансформационном состоянии, именно культурный фактор (система духовных ценностей, традиций, нравственных принципов и норм и т. д.) приобретает особую важность, становится приоритетным во всей совокупности факторов развития – как экономического, так и социального. В современных условиях российский бизнес должен существенно трансформироваться в направлении становления цивилизованным предпринимательством, сосредоточиваясь на производстве не только прибыльных товаров, но и социально значимой продукции и услуг. Последнее должно органично сочетаться с его высокой социальной ответственностью перед обществом, реализация которой является социальным фактором генезиса российского бизнеса. Таким образом, бизнес реализует свое назначение как социального в собственном смысле слова института общества. Основным фактором реализации российским бизнесом своего социального предназначения является ускорение перехода страны от криминализованной экономики с ее коррупцией и правовым нигилизмом к социальному рыночному хозяйству с российской спецификой. Координирующая роль государства и технологий межсекторного партнерства выступают социально-экономическими факторами цивилизованного становления бизнеса в России, ибо эмансипируют российский бизнес от власти, снимают его зависимость от не правовых институтов, обеспечивают климат доверия, уважения к культуре, консолидации и стабильности развития общества, минимизируют социальные риски и потрясения в будущем. На этой основе может быть обеспечено поступательное продвижение к собственной модели постиндустриального общества как основополагающего системного фактора развития бизнеса, а также реализован системный переход к модели социальной ответственности бизнеса, являющейся основным фактором встраивания морально-этических принципов – как внутренне органических и необходимых – в деятельность предпринимательства и цивилизованной эволюции бизнеса в целом в России.

Ключевые слова: Трансформация, институты, культурный фактор, межсекторное социальное партнерство, социальная ответственность бизнеса, власть, доверие